

Свои аргументы имелись и у тех, кто был против сдачи позиций. Так, военный агент в Японии В.К. Самойлов рассуждал: если Россия очистила бы Маньчжурию, даже настояв на подписании сепаратного договора, то это всё равно демонстрировало бессилие не Пекина, а Петербурга. В этом случае иностранцы усилили бы давление, стремясь открыть для внешней торговли новые порты и т.д.²⁸³ Но у этой позиции имелась очевидная слабость: как ни поступи, а Россия всё равно терпела бы ущерб. По логике вещей, следовало бы проанализировать последствия, чтобы минимизировать риски и потери. Однако об этом никто тогда не позаботился. Справедливо заключение Б.А. Романова: «Чем дольше длилась такая бессрочная <...> оккупация, тем легче маньчжурский вопрос мог быть обращён для России в предмет острого международного конфликта»²⁸⁴.

8 марта 1902 г. С.Ю. Витте прямо признал перед Николаем II неудачу переговоров с Китаем по поводу заключения соглашения от имени Русско-Китайского банка из-за протестов США, Англии и Японии. Министр финансов, однако, предполагал продолжить переговоры, уже от имени КВЖД, активно используя взятки, а также стремиться к приобретению (!) земельных участков в Маньчжурии²⁸⁵.

8.10. Русско-китайское соглашение 26 марта 1902 г.

Русско-китайское соглашение о выводе войск из Маньчжурии было подписано 26 марта (8 апреля) 1902 г. в Пекине. В обмен на удаление воинских частей из Маньчжурии Россия получила подтверждение Китаем контракта на строительство КВЖД (косвенно это можно было трактовать так, что союзный договор 1896 г. уже не действует). Из договора исчезло практически всё, на чём пытался настоять Петербург, за исключением обязательства Китая не строить железных дорог в Маньчжурии без предварительного соглашения с Россией. Русско-Китайский банк и какие-либо концессии вообще не упоминались. По моему убеждению, сам договор нельзя рассматривать только как неудачу России, но он означал невозможность проведения политики «договорных преимуществ», к которой прибёг С.Ю. Витте после краха экономической экспансии.

История подготовки сепаратного соглашения стала первым крупным провалом прежде всего для С.Ю. Витте, который чаще всего играл в этих переговорах ключевую роль. В ходе обсуждений явственно проступили изменения

²⁸³ В.К. Самойлов – Е.И. Алексееву 17 июля 1901 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.139. Л.3–8.

²⁸⁴ Романов Б.А. Указ. соч. С.292–293.

²⁸⁵ Всеподданнейшая записка С.Ю. Витте 8 марта 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.211. Л.80–83.

во взглядах министра финансов на цели и методы дальневосточной политики. Сначала он отказался от движения в Центральный и Южный Китай, сосредоточившись на его северных окраинах, позднее С.Ю. Витте также признал, что чисто экономические рычаги не приносят желаемых результатов и сделал ставку на закрепления экономических преимуществ с помощью договоров – путь, который также не принёс результата. Весьма показательны были серьёзные расхождения во взглядах на цели и методы русской политики на Дальнем Востоке, которые выявились между С.Ю. Витте, А.Н. Куропаткиным и В.Н. Ламздорфом. Если министры финансов и иностранных дел всё-таки без особых затруднений находили общий язык, то военный министр не всегда соглашался на компромиссы и стремился настоять на собственных решениях. С этого времени уже можно говорить о системном кризисе всей дальневосточной политики России. Я имею в виду то, что механизм постановки целей и выбора путей их реализации окончательно перестал работать как единое целое. После 1902 г. Петербург так и не мог решить, что именно он хочет и возможно ли этого добиться. Всё тонуло в соперничестве сановников, к которым к тому же подключились безответственные личности. Бессодержательная борьба продолжилась и далее, в 1903–1904 гг. и, можно сказать без преувеличения, именно она проложила дорогу к русско-японской войне 1904–1905 гг. (разумеется, со стороны России).

Соглашение 26 марта 1902 г. об эвакуации Маньчжурии не консолидировало российские верхи (хотя, казалось бы: раз решение принято – его надо выполнять). Вместо этого последовала новая дискуссия. Уже через пару месяцев в Берлине было опубликовано в 25 экземплярах явно инспирированное письмо неизвестного (Z) к С.Ю. Витте, в котором содержалась как критика предшествующей политики министра финансов на Дальнем Востоке, так и договора 26 марта 1902 г. Z считал, что существование русской железной дороги в китайской Маньчжурии ненадёжно, как показало боксёрское восстание. Выход ему виделся в строительстве новой трассы Сретенск–Благовещенск, чтобы аннексировать отрезаемую часть Северной Маньчжурии от Китая (т.е., возвращение к плану С.М. Духовского и его сторонников 1895 г.)²⁸⁶. Порт-Артур предлагалось вернуть Пекину. Это, по мнению автора, решало все проблемы России в Маньчжурии²⁸⁷. Надо признать, что некий автор, скрывшийся за псевдонимом, точно указал на самую уязвимую точку политики С.Ю. Витте: Маньчжурию не удалось «приобрести» «мирным путём». Z в сущности предложил отказаться от политики экспансии на Дальнем Востоке, и, несмотря на его полемику с министром финансов, это

²⁸⁶ Подробнее об этом см. главу 1 «Сибирская железная дорога и КВЖД».

²⁸⁷ Z. Маньчжурский вопрос. Посвящается С.Ю. Витте. [Берлин, 1902] // Там же. Оп.28. Д.252. Л.89–102.

было то, к чему пришёл сам сановник. Может быть, не случайно, что возражения на эту записку последовали из Министерства иностранных дел, а не из Министерства финансов.

На записку Z во внешнеполитическом ведомстве быстро подобрали контраргументы, удостоившиеся похвалы Николая II («прекрасный ответ»), продолжавшего, по-видимому, верить в «большую дальневосточную программу». Их подготовил И.Я. Коростовец, дипломатический агент при Е.И. Алексееве, хорошо знакомый с проблемой, но придерживавшийся иной, чем С.Ю. Витте, точки зрения на действия России в Азии. В записке же, так понравившейся императору, были смешаны аргументы, взятые из разных подходов к проблеме, вместе выглядевшие странно. Получалось, что маньчжурский вопрос для России – это не поиск рынков, как ранее утверждал С.Ю. Витте, а прежде всего, неизбежное бремя цивилизаторской миссии империи на Востоке, никак не связанное с КВЖД. Россия в силу своего географического расположения вынуждена «быть носительницей культуры в прилегающих азиатских странах». Министр иностранных дел неожиданно решил обвинить Китай в агрессивных замыслах по отношению к русским владениям на Дальнем Востоке, словно вернувшись в 1880-е гг. Он припомнил планы сооружения железной дороги от Тяньцзина до Инкоу и далее на Мукден–Гирин, существовавшие до КВЖД, объявив, что «эта линия должна была иметь стержневое значение в предвидении столкновения с Россией». И лишь японо-китайская война 1894–1895 гг. помешала Пекину осуществить свой коварный замысел. Но самым интересным в записке оказались некоторые оценки прежних действий Петербурга. В.Н. Ламздорф признал захват Порт-Артура далеко не лучшей комбинацией, так как из-за него России пришлось «на время покинуть Корею». Отказаться же от порта нельзя – туда уже ушли многие миллионы рублей. Невозможно и присоединить к себе часть Маньчжурии – это ослабит Китай и скорее всего, вызовет в нём новые массовые движения. Самым поразительным выглядел завершающий вывод: «русским совершенно чужды миссионерская и коммерческая эксплуатация» Срединной империи. Не она, а мы «можем претендовать на чрезмерный наплыв китайской торговли и предприимчивости в наш Уссурийский край»²⁸⁸.

Учитывая, что как записка Z, так и ответ на неё, подписанный В.Н. Ламздорфом, не предназначались для широкого распространения, то очевидно, что мы имеем дело с новой доктриной российской дальневосточной политики, сформулированной в 1902 г. и разительно отличавшейся от того, что было даже в 1899–1900 гг. Оказалось, что это не Россия вела экспансию, а Китай угрожал ей как экономически, так и просто своим соседством (беспорядки). То есть, в записке МИД прозвучало отречение от инициативной

²⁸⁸ [Коростовец И.Я.] Возражения на брошюру «Маньчжурский вопрос», подготовленные в МИД [19 июля 1902 г.] // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.252. Л.84–88.

политики на Дальнем Востоке, все действия России сводились к ответам на вызовы, исходящие от соседа. Очевидна цель такого подхода – снять с себя побольше ответственности за предшествовавшие неудачи. Понятно, что за содержанием записки стоял также и С.Ю. Витте, и она составлялась для внутреннего употребления, чтобы дать ещё одну отповедь военным, прежде всего А.Н. Куропаткину. Но МИД не предложил ничего позитивного в маньчжурском вопросе. Выхода из ситуации, несмотря на критику анонимного автора, в тексте никак не просматривалось. Единственно, что следовало из общего направления записки, так это то, что в Маньчжурии нельзя предпринимать никаких активных и тем более – захватнических действий. Эта идея получила развитие у С.Ю. Витте в конце 1902 – первой половине 1903 гг. (особенно после его поездки на Дальний Восток осенью 1902 г.).

Ситуация же в Маньчжурии в 1902–1903 гг., как до, так и после подписания договора 26 марта 1902 г. и продолжающейся её оккупации была далеко не однозначной. Отношение китайцев к русским войскам оказалось скорее нейтральным, но не враждебным, так как их пребывание давало возможность дополнительных заработков. Тем не менее, положение не выглядело благоприятным. Вместе с наплывом китайских рабочих на строительство южной ветки к Порт-Артуру проникали хунхузы, усиливалось брожение населения. Российские военные весной 1902 г. констатировали: «В общем, замечается сходство с обстановкой, которая предшествовала боксёрскому движению 1900 г.»²⁸⁹. Среди китайцев распространялись слухи о скором нападении японцев и о грядущем указе богдыхана изгнать всех русских из Маньчжурии²⁹⁰. Стички и нападения китайцев фиксировались уже десятками каждую неделю. Однако это настроение не стало ещё повальным, в общем порядок сохранялся.

Совершенно иной оказалась реакция чиновников. Они в своей массе ненавидели русских, так как с их приходом потеряли значительную часть своей власти и престижа в глазах населения. Это означало, что поборы с подданных неизбежно уменьшились. Кроме того, с февраля 1902 г. российские дипломаты отмечали обострение отношений местных властей с военными: чиновники стали преследовать китайцев, сотрудничавших с русскими, увеличили торговые пошлины, стремясь облагать ими русские товары, наконец, при их прямом участии пошли слухи о готовящейся войне Китая и Японии с Россией²⁹¹.

²⁸⁹ Телеграмма генерала В.С. Волкова из Порт-Артура начальнику Главного штаба 22 мая 1902 г. // РГИА. Ф.323. Оп.2. Д.30. Л.8.

²⁹⁰ Секретная телеграмма начальника Заамурского округа пограничной стражи И.Я. Дитерихса – командиру Отдельного корпуса пограничной стражи А.Д. Свиньину 29 мая 1902 г. // Там же. Л.14.

²⁹¹ Выписка из донесения чиновника МИД в Цицикаре Н.В. Богоявленского 22 февраля 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.252. Л.47–48.

Участились и жалобы на русских солдат. С другой стороны, их стали чаще оскорблять, бросать в них камни и т.п. Гириному цзянь-цзюню пришлось даже выпустить специальное обращение, в котором «разъяснялось», что виноваты в инцидентах не русские солдаты, а некие «дурные люди»²⁹². Впрочем, сами русские часто провоцировали конфликты. Д.Д. Покотилов сообщал С.Ю. Витте факты возмутительного отношения военных к китайцам, полученных от агентов Русско-Китайского банка. В Мукдене казаки избили ближайшего помощника цзянь-цзюня, а после того, как он стал жаловаться, командование настояло на его удалении из города. Дипломатического агента С.А. Колоколова, заступившегося за китайца, обвинили в том, что он возбуждает местное население против русских²⁹³.

Китайцы принимали ответные меры. Это выразилось, в частности, в решении не давать концессии, активизировать переселение китайцев в Маньчжурию в ответ на попытки заселения полосы КВЖД русскими²⁹⁴. Не удивительно, что у местной администрации имелось более чем достаточно поводов для того, чтобы жаловаться в Пекин на грабежи, на требование поставок продовольствия по заниженным ценам и т.п. Николай II, до которого также доходили подобные сведения, принял сторону военных: «Рассказам китайцев я не верю. Какой-нибудь случай грабежа тотчас же обобщается ими и, к стыду нашему, чиновниками М[инистерст]ва ин[остранных] дел и др[угими] русскими»²⁹⁵. Наверное, напрасно. К концу 1903 г. в Пекине уже сложилась легенда о свирепом образе действий и несправедливостях, которые чинят русские власти в Маньчжурии китайским чиновникам.

За это время можно отметить, пожалуй, лишь одно нестандартное решение, которое оказалось записано в пользу России – неожиданная для англичан передача китайцам железной дороги Шанхайгуань–Инкоу (Лондон после подавления боксёрского восстания не хотел расставаться с магистралью от Пекина до Шанхайгуаня). Передача также произвела сильное впечатление на китайцев. Д.Д. Покотилов предлагал воспользоваться настроением, чтобы «оборудовать» концессионное дело в Маньчжурии²⁹⁶. Однако этот акт так и остался эпизодом, не характерным для политики России в Китае в 1902–1903 гг.

²⁹² Обращения гириного цзянь-цзюня к населению 13 и 26 марта 1902 г. (перевод) // ОПИ ГИМ. Ф.307. Оп.1. Д.63. Л.12, 15.

²⁹³ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 31 октября 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.252. Л.142–146.

²⁹⁴ Перевод письма Юань Дахуа канцлеру Ван Вэньшао в Пекин, октябрь 1902 г. // Там же. Л.143–145.

²⁹⁵ Резолюция Николая II на донесении Д.Д. Покотилова 1 декабря 1902 г. // Там же. Л.142.

²⁹⁶ Д.Д. Покотилов – П.М. Романову 14 сентября 1902 г. // Там же. Д.16. Л.140.

Не в пользу России оказались и перемены в китайских верхах. Место умершего Ли Хунчжана на китайском олимпе занял Жун Лу. Он являлся членом Государственного совета и определял течение многих дел в Вай-ву-бу (Министерстве иностранных дел). Сам он занимал умеренную позицию, поддерживая чилийского генерал-губернатора Юань Шикая, сторонника сближения с Японией. Однако возвышение Жун Лу длилось недолго: 29 марта (11 апреля) 1903 г. он умер, его место занял князь Цин, также выражавший прояпонские симпатии. Правда, для Юань Шикая настали не лучшие времена: в Пекине отложили инициированное им введение гербового сбора, императрица не утвердила ряд его мелких просьб²⁹⁷. Но в целом руководство Китая занимало всё более антирусскую позицию.

8.11. Маньчжурский вопрос в русско-китайских отношениях в 1902–1903 гг.

26 марта 1903 г. завершился первый этап вывода русских войск из Маньчжурии. За полгода до этого П.М. Лессар предупреждал: «Как неблагоприятно бы отразилось промедление в соблюдении нынешнего срока, так, напротив, трудно себе представить, какое прекрасное впечатление произведёт не только в Китае, но и в других странах точное выполнение в этом отношении соглашения от 26-го марта. Ему бы желательно придать характер рыцарского, благосклонного Китаю поступка»²⁹⁸. Однако Петербург и военные действовали с точностью до наоборот. В результате приближение 26 марта 1903 г. заметно накалило обстановку в Северном Китае. Многие были уверены, что Россия не выполнит своих обещаний и что она не собирается уходить из Маньчжурии. Из Пекина поступала информация, что российский посланник не только настаивал на заключении нового соглашения до начала второго этапа вывода русских войск, но и предлагал совместное управление Северным Китаем²⁹⁹. Циркулировал даже слух, что в Маньчжурии готовится восстание против русских. Конечно, это совпадало с ростом неприязни к соседу³⁰⁰. Усиливалось недовольство и в Японии. Причём действия Петербурга имели двойной негативный для него эффект: японцы, в обычной ситуации может быть и пропустили бы многое, сейчас же, из-за вызывающих действий России они в ответ лишь пристальнее присматривались к Маньчжурии, находя там всё больше своих ущемлённых интересов. Играли свою роль и участвовавшие жалобы маньчжур-

²⁹⁷ Там же. Д.5.

²⁹⁸ Телеграмма П.М. Лессара в МИД 22 июля 1902 г. // Там же. Д.255. Л.10.

²⁹⁹ «Japan Times». 1903. 15 февраля // Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». III-й год издания. С 1 июля 1902 г. по 30 июня 1903 г. Владивосток, 1903. С.355–356.

³⁰⁰ В.Ф. Люба – в МИД 9 апреля 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.252. Л.200–203.